

RU

Мотивы и образы Ф. М. Достоевского в романе иорданской писательницы Кафы Аль-Зоаби «Холодное белое солнце»

Зарытовская В. Н.

Аннотация. Цель исследования – доказать высокую степень влияния русской классической литературы на современных прозаиков Арабского Востока сегодня, которая явилась следствием нарастающего на протяжении прошлого века к ней интереса в арабских странах. В статье анализируется роман иорданской писательницы Кафы Аль-Зоаби «Холодное белое солнце», вошедший в 2019 г. в короткий список Арабского Букера. Рассматриваются идейное содержание романа, его проблематика (одиночество человека в мире, предопределенность судьбы, богоборчество, искупление преступления и др.), а также художественные приемы реализации авторского замысла (образная система, отсылка к автору в тексте, значимость природного фона и др.) и эстетика слова (выбор лексических единиц, семантические поля и др.). Научная новизна работы обусловлена обращением к малоизученному в отечественном литературоведении материалу новейшей арабской литературы, репрезентирующему постмодернистское течение XXI в., и попыткой установить ее тесную связь с русской классической литературой. Результаты исследования указывают на параллели мотивов (юношеский максимализм, виктимология и др.) и образов Ф. М. Достоевского (петербургская атмосфера, комната-гроб и др.), обнаруженные в книге иорданской писательницы.

EN

Motifs and images of F. M. Dostoevsky in the novel “Cold White Sun” by the Jordanian writer Kafa Al-Zou’bi

Zarytovskaya V. N.

Abstract. The aim of the study is to prove the high degree of influence of Russian classical literature on contemporary prose of the writers in the Arab East today, which has emerged as a result of the growing interest in the Russian classical literature in Arab countries in the past. The article analyzes the novel “Cold White Sun” by the Jordanian writer Kafa Al-Zou’bi, which was shortlisted for the Arab Booker Prize in 2019. The conceptual content of the novel is examined, including its themes (the individual’s loneliness in the world, the predestination of fate, atheism, the redemption of crime, etc.), as well as the artistic techniques of the realization of the author’s idea (imagery, reference to the author in the text, the significance of the natural background, etc.) and the aesthetics of language (choice of lexical units, semantic fields, etc.). The scientific novelty of the work is determined by turning to the little-studied material of the latest Arabic literature in domestic literary studies that represents the postmodernist trend of the 21st century, and attempts to establish its close connection with Russian classical literature. The research results indicate parallels in motifs (youthful maximalism, victimology, etc.) and Fyodor Dostoevsky’s imagery (the atmosphere of Petersburg, the room-as-coffin, etc.) discovered in the book by the Jordanian writer.

Введение

Русская классическая литература периода т. н. золотого века, ставшая в то время альтернативой русской философской мысли, является поистине мировым достоянием словесного творчества, о чем свидетельствует широкое знакомство с ней читателей из арабоязычных стран. Взаимосвязи русской литературы и арабского мира, влияние творчества Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др. на арабских писателей вплоть до конца XX в. полно изложено в серии монографий литературоведа-востоковеда Э. А. Али-Заде (1940-2019). О влиянии творчества Достоевского на нобелевского лауреата по литературе за 1988 г. египетского прозаика

Нагиба Махфуза (1911-2006) писала российский востоковед и переводчик В. Н. Кирпиченко (1930-2015), указывая на тему преступления и одержимость героя утопической идеей справедливого общества в одном из самых знаменитых произведений Н. Махфуза – романе «Вор и собаки» (1961) (Кирпиченко, 1992). Арабские критики отмечают черты художественного мира Достоевского в работах названного классиком саудовского писателя Абдель Рахмана Мунифа (1933-2004), который в разговорах о своем творчестве упоминал «Записки из подполья» (Рамадан, 2019). Многие современные арабские писатели вспоминают о том, что прочтение книг Достоевского в молодости оказало на них определенное влияние, как, например, лауреат ряда межарабских литературных премий алжирский писатель Васини Аль-Арадж (Ларедж) (р. 1954) (Аль-Арадж, 2021) или ливийский романист Ибрагим Аль-Куни (р. 1948), который «признается, что в Россию его двигала любовь к Достоевскому и другим русским романистам, а также возможность читать на русском мировую литературу» (Перников, 2020а).

Чтобы исследование было как можно более полным, мы поставили ряд задач:

– рассмотреть историю переводов Ф. М. Достоевского на арабский с лингвистических и социологических позиций, используя накопленный отечественными арабистами (Али-Заде, 2020; Кирпиченко, 1992) и арабскими критиками материал (Аль-Утейли, 2017; Сафьян, 2018), и проследить дальнейшее существование этих переводов в других видах искусства – театре и кино;

– ознакомиться с размещенными в открытом доступе интервью современных арабских писателей, размышляющих о роли русской классики в их собственном творческом становлении (الأعرج واسيني. دوستوفسكي الذي يشبهنا كثيرا القدس. Аль-Арадж Васини. Достоевский, который так на нас похож // Аль-Кудс). 30.03.2021. <https://www.alquds.co.uk/الدوستوفسكي-الذي-يشبهنا-كثيرا/>; Рамадан, 2019);

– провести анализ романа «Холодное белое солнце» (كفى الزعبي. شمس بيضاء باردة. بيروت: آداب, 2018) (Аль-Зоаби Кафа. Холодное белое солнце. Бейрут: Адаб, 2018) иорданской писательницы Кафы Аль-Зоаби, громко заявившей о себе в 2019 г. на Арабском Букере – одном из самых престижных литературных конкурсов для арабоязычных авторов, и выявить отражение художественного мира и философии Ф. М. Достоевского в этой книге как в ее эстетике, так и в идейном плане, начиная со спора экзистенциалистов с Достоевским, воплощенном во внутренней эволюции второго по значимости героя романа, а также виктимологии Достоевского, проблематика которой представлена на арабской почве.

Материалом послужили также тексты Ф. М. Достоевского, в частности его роман «Преступление и наказание» (Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. 2001. <https://litmir.club/bd/?b=7379>; Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. 1989. <https://ilibrary.ru/text/69/p.13/index.html>), письма и дневники писателя (Достоевский Ф. М. Письма. 37. М. М. Достоевскому. 22 декабря 1849. Петербург. Петропавловская крепость // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15-ти т. СПб.: Наука, 1996. Т. 15).

Актуальность работы заключается в том, что в свете тенденций глобализации и отказа от европоцентричности в литературоведении назрела необходимость обратиться к новейшей арабской литературе XXI в., которая уже давно не является догоняющей и копирующей, а следует в русле последних мировых тенденций. Несомненно, существует потребность раскрыть глубину и потенциал литературно-культурных российско-арабских связей в свете нового витка наших отношений с арабскими странами, переживавшими только недавно упадок (Аветисян, 2016; Карасин Г. Россия укрепляет сотрудничество со странами исламского мира // Парламентская газета. 15.03.2023. <https://www.pnp.ru/politics/rossiya-ukreplyaet-sotrudnichestvo-so-stranami-islamskogo-mira.html>).

Методика анализа материала предполагает как применение общих методов научного познания, включая анализ литературы, обобщение опыта, так и набора узкоспециальных литературоведческих методов – от исторического, использованного с целью обосновать обращение современных арабских авторов к тем же приемам, которыми пользовались экзистенциалисты, сравнительно-сопоставительного, который неизбежен при рассмотрении разноязычных произведений, написанных в разное время и в рамках отличных форматов – классики и постмодернизма, до формального, рассматривающего художественные приемы и репрезентацию системы образов произведения.

Теоретической базой послужили исследования отечественных востоковедов по арабской литературе и литературным связям арабских писателей с русским миром (Али-Заде, 2020; Кирпиченко, 1992; Перников, 2020а; 2020б), а также актуальные работы по различным аспектам творчества Достоевского (Караваева, 2021; Касаткина, 2003; Кошечко, 2010; Касаткина, Кузнецова, 2020).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов для дальнейшей разработки многогранной темы российско-арабских культурных связей, так как в нем обозначаются их специфика и перспективы. Работа вносит несомненный вклад в изучение новейшей арабской литературы, которая пока остается мало освещенной либо освещается отечественными специалистами с некоторым запозданием. Полученные результаты могут быть использованы в преподавании сравнительного литературоведения и новейшей литературы.

Обсуждение и результаты

Знакомство арабских читателей с творчеством Ф. М. Достоевского, как известно, началось в 1914 г. с неполного перевода «Преступления и наказания». Перевод выполнил египетский мыслитель и литературовед, стоявший у истоков Социалистической партии Египта, Саяма Муса (1880-1958). Тираж не был даже распродан, перевод не имел успеха, возможно, из-за того, что он был осуществлен с английского и неизбежные

жертвы и потери художественного перевода удваивались. Тем не менее творчество Достоевского оказало влияние на самого Саяму Мусу. Знакомство с творчеством писателя, по собственному признанию Мусы, было «счастливым случаем», и именно благодаря ему он стал глубоко понимать искусство прозы (Али-Заде, 2020, с. 198).

Последующие переводы рассказов, повестей и романов к 60-м годам XX столетия сделали произведения Достоевского одними из самых популярных и востребованных среди зарубежной прозы в арабском мире (Али-Заде, 2020, с. 223). Главным переводчиком произведений Достоевского на арабский стал сирийский политик, писатель и философ Сами Ад-Друби (1921-1976), которому принадлежит перевод полного собрания сочинений русского классика. Над переводами отдельных произведений Достоевского также работали Авад Хусейн («Идиот»), Саад Аль-Газали («Бедные люди»), Анис Заки Хасан («Записки из подполья»), Ахмед Аль-Визи («Записки из подполья», «Бедные люди»), Мухаммед Машти («Вечный муж»), Абдель Муин Аль-Малюхи («Записки из подполья»), Бадр Шукри («Дядюшкин сон») и др. Несмотря на то, что наследие Достоевского полностью переведено на арабский, а некоторые из книг – дважды и даже трижды («Бедные люди»), а «Записки из подполья» – четыре раза, нельзя не отметить, что подавляющее число переводов осуществлено с языка-посредника, чаще французского. Это связано, скорее всего, с колониальным и мандатным управлением Франции арабскими территориями (страны Магриба – середина XIX – первая половина XX в., Сирия, Ливан – 20-40-е гг. XX столетия). Французский – единственный из иностранных языков, которым владел Сами Ад-Друби. Исключения составляют доподлинно переведенные с русского «Записки из мертвого дома» марокканского переводчика Идриса Аль-Мальяни (р. 1945), к слову, указавшего в предисловии к своей работе на ошибки предшественника – Сами Ад-Друби, «Кроткая» иракского классика XX в., прожившего большую часть жизни в нашей стране, Гаиба Туама Фармана (1927-1990), «Преступление и наказание» в переводе Шауки Хаддада, а также в переводе сирийца, выпускника Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Фуада Аль-Мари (1938-2022). В этой связи арабские литературоведы поднимают вопрос о том, насколько точны переводы романов Ф. М. Достоевского на арабский и, соответственно, насколько полноценно и глубоко арабы могут ознакомиться на родном языке с его наследием (Аль-Утейли, 2017; Сафьян, 2018). Ведь фактически арабский читатель зачастую получает дважды редуцированный, нарушенный во всех отношениях текст, который изначально представляет собой «глубокий текст очень высокой связности» (Касаткина, Кузнецова, 2020, с. 118). Поэтому сегодня литературные круги арабских стран ясно выражают стремление к глубокому познанию творчества писателя и русской культуры в целом, минуя языки-посредники и нацеливаясь на прямой диалог.

Тем не менее в последующие десятилетия интерес к Достоевскому в арабском обществе только возрастал. Арабы не просто переводили заново его тексты (например, недавний перевод Мухаммеда Аль-Асаада романа «Бесы», 2021 г., Кувейт), в том числе письма, обсуждали их на конференциях и форумах (празднование 200-летия со дня рождения писателя в Египте и др.), печатали статьи в ведущих литературных журналах, но и переводили книги о Достоевском, т. е. книги, порожденные его творчеством, выступали критиками. В частности, в 1981 г. в Кувейте была издана монография египетской исследовательницы Макарим Аль-Гамри (р. 1947, награждена медалью Пушкина и медалью к 100-летию Шолохова) «Русский роман XIX в.», в которой Достоевский назван «одним из имамов русской классической литературы», чье «романное творчество занимает важное место не только в русской, но и мировой крупной прозе» (Али-Заде, 2020, с. 306). Не менее значимо, что в 1986 г. вышел перевод египтянина Фуада Кямиля книги русского философа и христианского экзистенциалиста Н. Бердяева «Миросозерцание Достоевского».

При том, что арабское кинопроизводство не столь масштабно, как западное, и сосредоточено в основном в одной стране – Египте, египетские студии выпустили 5 фильмов по мотивам романов Ф. М. Достоевского – «Братья-враги» (1974) по «Братьям Карамазовым», «Соня и безумец» (1977) по «Преступлению и наказанию», «Бесы» (1977) режиссера Хисама Ад-Дина Мустафы (1926-2000) и «Ранимый» (1985) по мотивам «Идиота», «Бедные не попадут в рай» (1984) по «Преступлению и наказанию» режиссера Медхата Ас-Сибай (1949-2014). Для арабской кинокритики не остались незамеченными и экранизации И. Пырьева («Идиот», «Белые ночи», «Братья Карамазовы»), которые демонстрировались по багдадскому телевидению (Наджи, 1971).

Сегодня влияние Ф. М. Достоевского на арабских авторов, как представляется нам, обусловлено, во-первых, повышенным читательским интересом к классической русской литературе в арабском мире. Данные проведенного в 2022 г. опроса среди изучающих и изучавших русский язык представителей различных арабских стран (Ирак, Иордания, Оман и др.) говорят о том, что знакомство с русской литературой у более 27% респондентов состоялось еще в школьном возрасте, когда они и не предполагали, что будут изучать русский язык. Почти 60% респондентов читают зарубежную литературу только на арабском языке, при этом подавляющее большинство знакомо с творчеством Достоевского (Зарытовская, Кротова, 2023, с. 208-216).

Во-вторых, в арабской литературе с середины 60-х гг. прошлого века, которые, по выражению упомянутого нами выше романиста Абдель Рахмана Мунифа, явились «важной вехой в истории арабской культуры... потрясением привычного сознания и годом рождения нового арабского романа» (Бальгуль, 2013), преобладает т. н. дискурс поражения, связанный с арабо-израильскими войнами, палестинской проблемой, внутрисистемными кризисами в арабских странах и др. Именно в экзистенциализме новое поколение арабских писателей нашло адекватное выражение своему настроению тревоги, растерянности, заброшенности. Основные темы этого дискурса, пришедшего на смену реалистическому социальному роману, глубоко экзистенциальны, и им соответствовали методы французских экзистенциалистов, чьи приемы (размытая граница между сном и явью, интроспективность, самоанализ и др.) были переняты и развиты новым поколением арабских писателей (Э. Аль-Харрат, Г. Ас-Самман, С. Идрис, И. Аль-Куни и др.). На наш взгляд, еще ближе,

чем экзистенциалисты, современным арабским писателям оказался Ф. М. Достоевский как предтеча философии существования человека, осмыслявший социальный и духовный кризис личности, страстные поиски общественной и человеческой гармонии, выражавший глубокий психологизм и трагизм бытия (Караваева, 2021).

Среди современных арабских писателей, в творчестве которых в немалой степени заметно влияние русской литературы и в большой степени Ф. М. Достоевского, выделяется имя иорданской писательницы Кафы Аль-Зоаби (р. 1965). Ее перу принадлежит 7 романов, в хронологическом порядке выхода в свет – это «Потолок из глины» (2006), «С» (2014), «Лейла, снег и Людмила» (2007), «Вернись домой, Халиль!» (2009), «Дитя греха» (2012), «Холодное белое солнце» (2019) и «Город моего отца» (2021). В дебютных романах затронута тема предопределенности судьбы и нелегкой доли арабской женщины в патриархальном обществе. Один из романов («Вернись домой, Халиль!») посвящен палестинской проблеме. Автор, в текстах которого доминирует, как мы покажем ниже, мотив страдания, не могла обойти стороной эту трагедию братского народа и не посвятить этому книгу. Поздние произведения Аль-Зоаби глубоко экзистенциальны и касаются хрупкости человеческого существования, бессмысленности страданий человека, отсутствия свободы выбора, необходимости подчинения судьбе, враждебности среды – до такой степени, что последний ее роман («Город моего отца») написан как дистопия – антиутопия, рисующая общество, в развитии которого возобладали негативные тенденции.

Кафу Аль-Зоаби можно отнести к тем арабским деятелям культуры – литераторам и переводчикам, судьбы которых непосредственно связаны с Россией и для которых русская литература, познаваемая изнутри страны и на русском языке, то есть русским культурным кодом, не экзотизм, а дополнение к культуре родной, один из источников ее обогащения и творческого вдохновения. Среди них получившие широкую известность и у нас в стране, и в арабском мире – упомянутый иракский классик, переводчик Гаиб Туама Фарман (1927-1990), египетский писатель, выпускник Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова Саналлах Ибрагим (р. 1938), прозванный «шейхом арабских переводчиков» Абу Бакр Юсуф (1940-2019), лауреат премии шейха Хамеда в области перевода (2019) Нофель Найюф (р. 1948) и др.

Кафа Аль-Зоаби получила высшее техническое образование в нашей стране. Поступала она в Ленинградский государственный университет в СССР, а диплом получала уже в переименованном городе Санкт-Петербурге после распада Союза, застав здесь события 1991 г. После окончания вуза Кафа Аль-Зоаби сохранила тесные связи с Россией. Россия ее интересовала и интересует не только как место действия или фон художественного произведения. Впрочем, как и других арабских авторов, которые, познав Россию изнутри, оставили в своем литературном наследии попытки осмысления нашего общества, запечатлели отдельные периоды российской истории своими глазами, записали свои личные впечатления, как Саналлах Ибрагим в романе «Лед» (2011), изображавший сцены московской жизни брежневских времен, оманец Ахмед Аль-Рахби в романе «Прибывший» (2012) и др. В центре повествования романа Кафы Аль-Зоаби, название которого уже относит нас к России, «Лейла, снег и Людмила» (2007, на русском – 2010) – социальный слом и духовные трансформации российского общества в эпоху перестройки, которую писательница переживала вместе с нашими гражданами и последствия которой оценены ею неоднозначно (Перников, 2020b).

Но влияние русской культуры гораздо четче проявилось в ее творчестве, особенно в самом успешном на сегодняшний день романе писательницы «Холодное белое солнце», вошедшем в 2019 г. в короткий список Арабского Букера (ИРАФ). Герой романа – молодой интеллигент, ощущающий себя всюду «чужим, посторонним», остро переживающий косность своего окружения – семьи и коллег, свою собственную низость и подлость. Он задается вопросами о том, почему мир создан жестоким, почему жертву мы приносим своей кровью, а слез недостаточно, почему, чтобы жить без страданий, надо озвереть, превратиться в волка, как он сам, рожденный для великих целей, пал так низко и др. Когда герой не находит ответа на мучающие его вопросы ни в одной из прочитанных им книг, а именно в знании он искал свое спасение, он начинает медленно сходить с ума, так как не в состоянии приспособиться и вести такой образ жизни, какого от него требуют семья, общество.

Художественные решения автор находит в четырех планах, в которые встроено повествование. Во-первых, это образы шумеро-аккадской мифологии и эпоса (Гильгамеш, Энкиду, Хумбаба, Иштар), которые реализуются, когда герои говорят о любви и бессмертии:

- Ты жил в Аккаде?!
- Ага!..
- И чем ты там занимался?!

– Стоял-торговал на перекрестке, зывал аккадцев купить у меня бумажные салфетки. Но однажды меня заметил Гильгамеш. Он пожалел меня и взял к себе слугой. Я таскал его колчан со стрелами, пока он странствовал в поисках бессмертия <...> Но я притворялся, подыгрывал, а он ни о чем не догадывался. <...> Это я, я украл цветок бессмертия, а не змей!

Старик посмотрел на меня выкатившимися от изумления глазами.

- И что? Ты съел его?! – спросил он.

Я кивнул.

- Получается, ты бессмертен? – оторопев, уточнил он.

- Ну да... (Аль-Зоаби, 2018, с. 315) (здесь и далее – перевод с арабского автора статьи. – В. З.).

Герой романа Раи, от имени которого ведется повествование, становится бессмертным в том смысле, что он, беспрестанно болтающий о самоубийстве, не убивает себя. Он выживает, поэтому в пограничном состоянии сознания он ассоциирует себя с героем древнего эпоса, сорвавшим цветок бессмертия. Себя убивает второй герой романа – его друг Ахмед.

Во-вторых, в свете проблематики слепого подчинения судьбе, цели страданий человека на Земле в романе оживает ветхозаветный мотив жертвоприношения Авраамом собственного сына. Каждый из героев дает свою интерпретацию, каждый по-своему понимает, чего от нас ждут Небеса:

– *Отказался бы он убить своего сына, это означало бы бунт. Но он не взбунтовался, он был послушен и покорен Небесам, а потому страдал и терзался, но вел свое дитя на заклание. Да даже вообразить мучения отца, который ведет сына на смерть, невозможно! Ты только представь чудовищность его страданий?! (Аль-Зоаби, 2018, с. 233).*

В-третьих, главная тема отчуждения и остранения реализуется приемами, характерными для произведений экзистенциалистов, а также прямым цитированием А. Камю, книжку которого читает герой. Роман в целом написан в экзистенциальном ключе – одного из самых мрачных философских и эстетических направлений современности, которое отрицает наличие идеалов и признает лишь экзистенцию, факт существования, судьбу, которой человек стоически и беспрекословно подчиняется, враждебность абсурдного бытия, абсолютное одиночество. Отсюда концепция названия романа, построенного на сочетании противоречащих друг другу понятий – оксюмороны «холодное солнце». Солнце, которое единственное согревает нас во Вселенной, оказывается холодным, так и человек, рассчитывающий на тепло близкого окружения, страдает от одиночества, от холодности и безразличия близких. Центральная идея философии экзистенциализма – существование человека в мире без Бога, среди иррациональности и абсурда, в состоянии страха и тревоги – звучит в кульминационных диалогах героев:

– *Чего ты боишься? Разве тебе угрожают? – спросил я, растерявшись.*

– *Он меня убьет.*

– *Кто?*

– *Бог!*

Я отмахнулся.

– *Дело не в том, что Бог есть, дело в том, что Его нет. – пояснил Ахмед. – Именно это меня и терзает: почему, почему Его нет?*

– *Чего же тогда ты боишься, что Бог убьет тебя, если уверен, что Он не существует вовсе?*

– *В этом-то и дело. Меня убьет Его отсутствие (Аль-Зоаби, 2018, с. 167).*

Так и герои А. Камю и Ж.-П. Сартра живут в мире, где «Бог умер». Тем не менее путь Ахмеда у Аль-Зоаби сложнее – из героя Ф. М. Достоевского, который пытается бежать от бессмысленности мира к Богу, он превращается в героя Сартра и в итоге убивает себя. В начале романа Ахмед хватается за спасительную веру, молясь в одиночестве в комнате, но не выдерживает, отступает и уничтожает себя. Данный диалог, как и другие в романе Аль-Зоаби, обращает на себя также внимание тем, что в нем отражены трагизм существования, внутренние противоречия, раздирающие героя, разлом личности при решении вечных вопросов. Герои общаются на эмоциональном и интеллектуальном пределе, как и герои Ф. М. Достоевского.

Несмотря на то, что роман сложен, в нем несколько измерений и использованы символы различных культур, религий и философских течений – от ближневосточной древности, Писания и до французского экзистенциализма, при решении «предельных» вопросов писательница обращается к художественному миру Ф. М. Достоевского. Прецедент Кафы Аль-Зоаби интересен для нас еще и тем, что, владея русским языком в степени, достаточной для получения на нем высшего образования, арабская писательница имела возможность ознакомиться с текстами Ф. М. Достоевского в подлиннике, осознавая границы и пересечения смысловых полей слов, взаимодействия слов в полотно текста, их переключки и многое другое. На наш взгляд, большое влияние на роман «Холодное белое солнце» оказало именно «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, что объяснимо, учитывая «сверхплотность» этого романа (Касаткина, 2003). Это не просто интерес к психологии преступления, которую Достоевский закладывал в основу сюжетной канвы каждого романа и которая была им разработана настолько глубоко и настолько многосторонне проанализирована, что с его творчеством знакомы даже зарубежные психологи-криминалисты. В «Холодном белом солнце» герой также совершает преступление, но не убийство, он вступает в запретную, внебрачную связь с полоумной дальней родственницей отца, что равносильно убийству по тяжести преступления для окружающих. Но для героя его нравственные мучения становятся невыносимы, больше, чем страх разоблачения, страх позора перед соседями и уголовного наказания. Он, как и Раскольников, сам себя наказывает этими нравственными муками, он готов терпеть и физические истязания:

Открылось, как низко я пал. Открылось, что я подонок, ничем не отличающийся от всех других подонков. Я не стал себя защищать или оправдывать. Я лежал на полу, а мать выла, пока отец колотил меня, он сек меня ремнем, пинал, оплевывал меня, изрыгая весь свой запас бранных слов.

Эти страдания были желанны мною. Мой внутренний голос требовал: «Давай, отец, не жалея! Ударь! Еще ударь!» Я упивался болью, мстя своему телу. Желал, чтобы в нем сосредоточились все страдания этого мира, будто так я мог искупить свой грех (Аль-Зоаби, 2018, с. 76-77).

В другом отрывке, боясь предать память покончившего с собой друга и вина себя, что не спас его, герой восклицает, прямо отсылая нас к роману Достоевского:

Это я тот расколотый человек, Раскольников. Я не собирался убивать скучную старуху-процентщицу, но, боюсь, именно я поубил своего покойного друга. Я сел в автобус и впустил в себя дьявола, чтобы он вытащил меня из бездны той вины, которую я испытывал. Я разрешил ему втихаря заползти в себя и задуть свечу моей памяти, чтобы темнота беспомысленности поглотила Ахмеда, как и Айшу (Аль-Зоаби, 2018, с. 255).

Раи как бы видит ситуацию, например страдания своего друга Ахмеда, через призму текста Достоевского, напоминая нам об «аршине пространства», который «появляется в мыслях и грезах Раскольникова как “вечность на аршине пространства”» (Касаткина, 2003):

Я вспомнил, как Ахмед вопрошал, вторя Раскольникову: «Мне нужно было лишь чуть-чуть пространства, чтобы устоять на этой земле, и к чему я пришел?» (Аль-Зоаби, 2018, с. 255).

В «Холодном белом солнце» муки Раи настолько сильны, что он порой считает себя жертвой и представляет при сильной мигрени, как обиженная им скончавшаяся из-за цепи обстоятельств, начало которым положил он, девушка раскалывает ему голову топором – орудием Раскольникова. Таким образом, оппозиция «преступник – жертва» неоднозначна в романе Кафы Аль-Зоаби, как и у Достоевского, у которого эта проблема представляет настолько сложный комплекс, что его обозначают термином «виктимология Достоевского» (Кошечко, 2010).

Именно в том отрывке романа, где упоминается имя героя романа Достоевского «Преступление и наказание», иорданская писательница сама предстает перед нами, говоря о себе в третьем лице. Герой романа Раи напрямую ассоциирует себя с Раскольниковым. Чтобы провести такую связь, автор прибегает к анализу внутренней формы слова «Раскольников», объясняя арабскому читателю это русское слово через глагол «раскалываться». Сам Раи признается в тексте, что не владеет никаким иностранным языком, только арабским, но иностранным языком владеет автор романа:

Я припомнил эссе малоизвестной писательницы, которая длительное время жила в России. Она утверждала, что в русских романах фамилии персонажей берутся не из жизни, а выдумываются самими авторами <...> И в эти фамилии, которые и в жизни почти не встречаются, вкладывается глубокий смысл. Она привела в эссе много примеров, и прежде всего Рас-коль-ни-ков – от слова «расколоть», «разделить на части ударом» (Аль-Зоаби, 2018, с. 255).

«Раскол» героя – это также, как и у Достоевского, внутренний раскол, раскол души.

В арабском романе среди центральных для творчества Достоевского мотивов реализуются не только мотивы преступления и страдания, но и жизни. Как известно, писатель, переживший в ожидании казни «десять ужасных, безмерно-страшных минут ожидания смерти», через несколько часов обратился к своему брату Михаилу в письме: «Но во мне осталось сердце и та же плоть, и кровь, которая также может и любить, и страдать, и желать, и помнить, а это все-таки жизнь!.. Жизнь – дар, жизнь – счастье, каждая минута могла быть веком счастья!» (Достоевский, 1996, с. 84). В романе Кафы Аль-Зоаби единственное, что удерживало героя от самоуничтожения, – это жизнь, воплощенная в образе женщины, которую он полюбил. Это была его последняя надежда на жизнь, поэтому он не совершил самоубийства, но Ахмед, которого эта женщина бросила, убил себя после ее ухода. Неслучайно в тексте романа слова Она (женщина) и Жизнь стоят рядом, и иногда как синонимы, а само слово «жизнь» в различных контекстах встречается более 80 раз:

Меня охватил дикий страх. Я смотрел ей вслед, а внутри у меня созревало ясное убеждение: та, которая на меня взглянула, и есть сама Жизнь. Я так долго ждал ее (Аль-Зоаби, 2018, с. 13).

В романе проводится понимание жизни именно по Достоевскому, поскольку герой инстинктивно тянется к жизни, выбирает жизнь, он не кончает жизнь самоубийством, как его друг, но он сходит с ума, как мы уже упоминали. Для него ценна сама жизнь, пусть даже в страданиях. «Только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить – только жить!..» – восклицает Раскольников (Достоевский, 2001). Для Достоевского же вообще нет жизни без страдания и настоящее счастье приобретает через страдание. Раи, осознавая это или нет, завидует другу, который страдает после размолвки с женой, потому что тот живет полной жизнью, он страдает, но он не одинок:

Я ему завидую. И хотя его сердце разрывалось болью и он всегда страдал, эти муки делали его в моих глазах живущим полной, пусть и жалкой, жизнью... (Аль-Зоаби, 2018, с. 194-195).

При этом страдание обязательно для думающего и чувствующего человека в обоих романах. Можно провести в пример еще один из «откликов» иорданской писательницы на «Преступление и наказание». Родион у Достоевского говорит: «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть, – прибавил он вдруг задумчиво, даже не в тон разговора» (Достоевский, 2001). Ему вторит Ахмед в «Холодном белом солнце»:

Он поднял глаза, смотревшие все время до этого в никуда, и проговорил:

– Уверен, кто думает в этом мире о серьезных вещах, обречен вечно пребывать в печали (Аль-Зоаби, 2018, с. 161).

Как напоминание о бренности в романе в нескольких главах вспыхивает мотив «семени тли», гниения, неизбежности гибели плоти, связанный у Достоевского с грешностью человека. Герою время от времени мерещится в комнате гниющий труп предыдущего жильца, в кульминации мотива он размышляет о том, что он и окружающие его тлеют, переходя к мысли о тлении через экзистенциальные переживания:

Воображаю теплый куриный бульон или горячий чай с ломтиком хлеба, но от этого в животе еще громче урчит, а мигрень становится просто нестерпимой. Чтобы гнить в желудке этого мира, тепло не нужно. Сгнием и замерзая. «Так ведь?» – спрашиваю сам себя. Задаю тот же вопрос Ахмеду, затем Мазену. Но Мазен не из тех, кто гниет. Нет, дружище, ты тоже гниешь. Но только красиво, с шиком (Аль-Зоаби, 2018, с. 301).

Как и в «Преступлении и наказании», «романе о том, что такое смерть и тление, посредством чего они овладевают человеком, о том, как по-разному развивается этот процесс в трехсоставном человеке: то есть о различном участии в этом процессе или противодействии ему плоти, души и духа» (Касаткина, 2003), Раи признается:

– Я думал раньше, что у человека двоичная природа, но сейчас вижу, что в нем уживается три личности!.. Две постоянно борются между собой. Первая – зла... она потакает собственным желаниям... готова к моральному падению, только чтобы выжить. Вторая – добрая, вечно терпит и хочет, чтобы все кругом также терпели... но жили по морали...

– А кто третий?

– Он стоит на отдалении и следит за ними (Аль-Зоаби, 2018, с. 136-137).

При создании образа героя немаловажную роль, как известно, играет пространство, в котором он обитает. Художник слова фокусируется на нем не просто так, оно является отражением внутреннего мира героя – его чистоты или беспорядка, как самый простой пример. Либо оно нам объясняет, в каких обстоятельствах живет герой и почему он поступает так, а не иначе, иллюстрирует, каковы его отношения с внешним миром. В «Преступлении и наказании» комната студента Родиона не называется «домом», она тесна, в ней аскетичная обстановка, обои отходят от стен, для ее обозначения есть немало отрицательных синонимов: *каморка, гроб, сундук*, и за нее он еще задолжал круглую сумму за съем. Он отгораживается от людей, перестает даже выходить на кухню, каждый день бездействует, лежа на диване. Герой Кафы Аль-Зоаби Раи – студент, вынужденный бросить за неуплату учебу, живущий в съемной комнате, самой дешевой из попавшихся – в ней символично нет окна, с гробом она также вызывает невольные ассоциации, поскольку в ней умер прежний жилец и его вздыхающий разлагающийся труп мерещится Раи, когда он теряет разум от отчаяния, он также избегает общения с соседями.

Отношения героя с миром могут быть показаны и через природные явления. Самое страшное из них для Раи – мгла, темнота, чернота, Ничто, поглощающее его. Значит, инстинктивно он тянется к свету и жизни. Особую же близость он чувствует к ветру и дождю. В 250-страничном романе, где действие происходит в полупустынном знойном Аммане, дождь упоминается 10 раз, будто действие разворачивается в Петербурге. Под шум дождя героя охватывает не отчаяние на пределе, а тихая элегическая печаль, появляется надежда на очищение. Скрыта символика дождя и в «Преступлении и наказании» – в конце романа, после жары, стоявшей на протяжении всего повествования в душном Петербурге, дождь случается накануне явки Раскольникова с повинной, становясь символом очищения и перемен в жизни героев романа.

Петербургскую атмосферу в иорданском романе усиливает спектр цветов, который был выбран автором. В нем практически отсутствуют яркие, энергичные цвета из базового набора цветов, которые в принципе характерны для арабской картины мира, – красный, зеленый, желтый. А между тем мир для героя окрашен в зыбкие, пограничные оттенки, близкие к серому – *мутный, выцветший, блеклый, бледно-серый*.

Заключение

Таким образом, на протяжении XX века интерес в арабском мире к наследию Ф. М. Достоевского стремительно возрастал, особенно в позднюю советскую эпоху, и даже вышел за рамки литературы, проявившись в искусстве кинематографа Египта 70-80-х гг. прошлого столетия. И в XXI столетии, когда Арабский Восток переживает многочисленные социальные волнения и трансформации, русская классическая литература продолжает волновать умы и сердца арабской интеллигенции: произведения Достоевского знакомы широчайшему кругу арабских читателей, выдающиеся арабские писатели заявляют о роли русского писателя в их становлении как прозаиков, отечественные и зарубежные критики находят следы такого влияния. Сегодня в различных арабских странах выходят статьи, посвященные Ф. М. Достоевскому, арабы переводят и «перепереводят» его книги, письма и книги о нем, поднимая вопрос о необходимости прямых переводов Ф. М. Достоевского и других классиков с русского. Для арабского мира русская литература в лице Ф. М. Достоевского – это ведущие произведения мировой классики, это «живые», нужные, актуальные произведения, влияние которых прослеживается в творчестве арабских авторов.

Наиболее ярко из современных значимых произведений арабской литературы влияние Ф. М. Достоевского выразилось в высоко оцененном критиками романе иорданской писательницы Кафы Аль-Зоаби «Холодное белое солнце». Анализ романа показал, что это отражение многостороннее – и эстетическое, что, возможно, неосознанно, и идейное, концептуальное (жизнь, страдание, тление, преступление и др.), а также присутствует в виде прямой отсылки к русскому тексту, вплоть до упоминания имени героя романа Достоевского. При этом найденные схожие с использованными Ф. М. Достоевским художественные решения в романе могут быть объяснены тем, что современный арабский автор ставит перед собой подобные же задачи, подобные «проклятые» вопросы. В любом случае невозможно не отметить сложную интеллектуальную работу иорданской писательницы, которая развивает идеи иноязычного, зарубежного писателя на своей национальной почве, вступает с ним в полемику.

В качестве перспектив дальнейшего исследования возможно рассмотрение более обширного материала современной арабской прозы с точки зрения влияния на нее русской классики (ливанского писателя Ибрагима Аль-Куни, получившего образование в Литературном институте имени М. Горького, египетского мастера короткого рассказа Юсуфа Идриса, прозванного арабским Чеховым и др.). Дальнейшее исследование может пойти и по пути обобщения творчества Кафы Аль-Зоаби, поскольку она является автором не одного, а семи романов. Также перспективным представляется детальное сравнение одного либо нескольких конкретных образов Ф. М. Достоевского (дождя, комнаты-гроба, инструмента убийства) с подобными в произведениях арабских авторов.

Источники | References

1. Аветисян Ж. Г. Взаимоотношения России и арабского мира: история становления и современное состояние // Общество: философия, история, культура. 2016. № 5.
2. Али-Заде Э. А. Русская литература и арабский мир (к истории арабо-русских литературных связей): в 2-х кн. М.: ИВ РАН, 2020. Кн. 2.

3. Зарытовская В. Н., Кротова Т. А. Русско-арабские литературные связи как фактор мотивации изучения русского языка как иностранного // Русский язык в поликультурном мире: коммуникация, понимание, обучение: коллективная монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2023.
4. Караваева Н. Абсурдное бытие в безбожном мире. Что сказал о смысле жизни Достоевский? 2021. <https://rossaprimavera.ru/article/f9b65634>
5. Касаткина Т. А. Воскрешение Лазаря: опыт экзегетического прочтения романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». 2003. https://ros-vos.net/christian-culture/lit_prav/duh_poisk/dostoevsky/17/
6. Касаткина Т. А., Кузнецова А. Б. Проблемы перевода Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 4 (12). <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2020-4-117-133>
7. Кирпиченко В. Выбор пути. Послесловие к сборнику прозы Н. Махфуза // Махфуз Н. Избранные произведения. М.: Панорама, 1992.
8. Кошечко А. Н. Витимологический дискурс в «Дневнике писателя» как опыт экзистенциальной рефлексии // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Филология. 2010. № 8 (98).
9. Перников И. В пустыне есть все. Это законченная система. 2020а. <https://gorky.media/context/v-pustyne-est-vse-eto-zakonchennaya-sistema/>
10. Перников И. Кровь не попадает на небеса. 2020б. <https://gorky.media/context/krov-ne-popadaet-na-nebesa/>
11. أقالق-يوسفوتسود انأرق له. تمجرتلا تلكشم. يمالح دامع يليتعل (Аль-Утейли Имад Хельми. А читали ли мы Достоевского на самом деле? // Аль-Джазира). 13.07.2017. <https://www.aljazeera.net/blogs/2017/7/13/أقالق-يوسفوتسود-انأرق-له-تمجرتلا>
12. نأريزح تمسكنو ةيبرعلا ةياورلا. ةرمش لوغلب // ةملكلا (Бальгуль Шухра. Арабский роман и июньское поражение 1967 г. // Аль-Калима). 2013. № 73. <http://www.alkalimah.net/Articles/Read/5382>
13. تسوب ن ةيبرعلا بدلأا ىلع ةيعامتجالا متي عقاوب يسورلا بدلأا رثأا فيك. ءامسا ناضجر (Рамадан Асмаа. Как повлиял русский социальный реализм на арабскую литературу? // Нун-пост). 08.02.2019. <https://www.noonpost.com/content/26502>
14. مالقأالا فوزامأراك ةوخإالا. ةئيئامني سئاسارد. يزوف ىلع يجان (Наджи Али Фаузи. Кинематографические исследования. «Братья Карамазовы» // Аль-Аклям). 1971. № 5.
15. ةصقان تامجرت. يكسفيوتسود رودوي ف داليم ىركذ. قراط ناي فس. ةصقان-تامجرت-يكسفيوتسود-رودوي ف (Сафьян Тарик. Юбилей со дня рождения Ф. Достоевского. Ущербные переводы // Аль-Араби). 11.11.2018. <https://www.alaraby.co.uk/ةصقان-تامجرت-يكسفيوتسود-رودوي-ف>

Информация об авторах | Author information

Зарытовская Виктория Николаевна¹, к. пед. н.

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва

Zarytovskaya Victoria Nikolaevna¹, PhD

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

¹ zarytovskaya_vn@pfur.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.11.2023; опубликовано online (published online): 29.11.2023.

Ключевые слова (keywords): Ф. М. Достоевский; роман «Преступление и наказание»; современная арабская литература; Кафа Аль-Зоаби; роман «Холодное белое солнце»; F. M. Dostoevsky; novel "Crime and Punishment"; modern Arabic literature; Kafa Al-Zou'bi; novel "Cold White Sun".